

Ольга Журавлёва

Попытка облегчить боль

маленькие повести
о любви

Ольга Журавлёва

**Попытка облегчить боль.
Маленькие повести о любви**

«Издательские решения»

Журавлёва О.

Попытка облегчить боль. Маленькие повести о любви /
О. Журавлёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938584-0

В книгу вошли маленькие повести о любви для женщин бальзаковского возраста. Героини книги — женщины, жаждущие любви. Они живут обычной жизнью, но в какой-то момент происходят события, меняющие их образ жизни и окружение. Любовь — самое главное для героинь этой книги.

ISBN 978-5-44-938584-0

© Журавлёва О.
© Издательские решения

Содержание

Ольга Журавлёва	6
(маленькая повесть)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Попытка облегчить боль Маленькие повести о любви

Ольга Журавлёва

© Ольга Журавлёва, 2018

ISBN 978-5-4493-8584-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Журавлёва
Маленькое путешествие по зимней дороге

(маленькая повесть)

Я и мой брат Данюша сидим в нашей машине – чёрном «Ландкрузере», и ждем, когда нам доставят товар, который мы повезём по точкам. Товар мы возим редко. Это бывает, когда водитель по какой-нибудь причине не может работать. Сегодня причин более чем достаточно. Только что отгремел праздник встречи нового года. Вся страна не только дружно пила шампанское, закусывая его красной икрой, ела салат оливье и в растерянности переключала телевизоры с канала на канал, но ещё и запускала салюты, фейерверки и петарды. Я поэтому не могла уснуть часов до четырёх утра. Окно моей комнаты на втором этаже было похоже на гигантский экран телевизора, где каждую минуту в течение нескольких часов с грохотом вспыхивали разноцветные огни. При этом они ещё свистели, визжали. Данюши дома не было, он отмечал новый год в компании каких-то сомнительных женщин, имеющих взрослых детей. А я с мамой и четырнадцатилетней племянницей Варей была дома. Варя – домашняя девочка, дочка нашего умершего старшего брата Савелия. Она не рвется на молодежные тусовки, до прошлого года искренне верила в Деда Мороза, потому что мы с мамой его приглашали на каждый новый год. Он приносил Варе подарки, заранее купленные мной, а так как мне всегда удавалось незаметно разузнать, что именно Варя хочет получить на праздник, подарок был ожидаем и желаем. Нынче историю с Дедом Морозом разрушил Алик, друг Даньки. Он явился за час до нового года в соответствующем костюме, в белой бороде с мешком подарков. Красный атласный мешок в квартиру заносили два грузчика. Мы с мамой не знали, чего ожидать. Варе были подарены серёжки с бриллиантами, мне – норковая шуба, маме – стиральная машина «Занусси», а для Дани Алик оставил бутылку коньяка «Хенеси». Варя Алика узнала тут же. Она хлопала в ладоши, кричала «Ура!» и с удовольствием спела для него песенку «В лесу родилась ёлочка» под мой аккомпанемент на рояле. Алик внёс сумятицу в наш всегда тихий семейный праздник и был таков. Мы долго не могли прийти в себя. Мама хотела вернуть стиральную машину, но не знала – куда и как. Варя, напротив, прижимала в восторге коробочку с серёжками к груди. Мне с трудом удалось восстановить равновесие в доме, тем более, что до полуночи оставались считанные минуты. И всё же мы соблюли все традиции: открыли дверь квартиры для Нового года, чтобы ему не было никаких препятствий. Постучали обухом топора по порогу, произнося нестройным хором: «Мир, здоровье, хлеб». Сели за стол и выпили шампанского под бой курантов.

Первого января в нашей стране почти не бывает. Люди приходят в себя второго. Есть даже такой анекдот: Просыпаются два друга, сидя за столом. Они чётко помнили, что сели отмечать новый год 31 декабря. Так вот, просыпаются они, гостей нет, еда на столе ещё осталась кое-какая. Входит в комнату жена одного из них:

- Какое сегодня число? – спрашивает муж.
- Второе января, – отвечает жена.
- А первого не было? – спрашивает один у другого.
- Значит, не было! – заключает тот.

На этот счёт мне очень жаль людей, у которых день рождения 1 января. В основном об этом вспоминается только второго. В моём окружении трое таких знакомых. При чем, до нового года я помню об их днях рождения, а 1 января – нет. Но они ни за что не хотят отмечать свой день рождения в другое время, или совмещать с празднованием нового года.

Сегодня 6 января, впереди Рождество и Старый Новый год. Так что стране гудеть и гудеть. А нам надо работать. Мы с Данюшей – владельцы сети аптек. В городе товар развести просто, а вот по области – сложнее. Особенно после праздников, когда вдруг один из водителей «не может». А если два? Совсем скверно, народ особенно болеет после праздников, и очень возмущается, если в аптеке нет того или иного лекарства. Раньше, когда наш бизнес только

начинался, мы всё делали сами, только что не стояли за прилавком, потому что нет у нас медицинского образования. А уж товар развести по адресам – было нашим обязательным занятием. Знаем, что к чему в этой жизни, и что почём.

Обычно мы ездим вдвоём. Данюша – за рулём, я – в качестве охраны. Потому что у меня есть пистолет и все документы на него. Когда нас останавливает ГАИ, что бывает крайне редко, и нам задаётся вопрос: «Оружие есть?», я всегда уверенно говорю – есть. И меня даже ни разу не проверили, потому что если человек так уверенно отвечает, значит с документами у него всё в порядке, или он врёт про оружие, «берёт на пушку», что случается часто, поэтому ГАИшники даже не обращают внимания на него. То есть на меня. Хотя я – женщина довольно симпатичная. Правда, в очках. Но мне кажется, что меня это не портит.

Мы сидим с Данюшей в машине уже полчаса. Водитель Сергей сказал, что подъедет к семи, но его ещё нет. Ненавижу неточность. Когда мы выезжали из дома – было темно, а сейчас уже совсем светло. Народ ходит по улицам лениво, не спеша. В основном маршрут один – в магазин. Из магазина народ идёт уже веселее. Сергея всё нет, зато к нашей машине подходит Алик. Он открывает заднюю дверцу, садится.

– Привет.

– Привет, – Данюша рад. Он обожает Алика. Я знаю – почему. Он хотел бы быть таким, как Алик, но в этой жизни каждый на своём месте. Алик всегда в хорошем настроении. Мне это не нравится. Я знаю, что он постоянно пьёт энергетические коктейли, курит анашу, глотает какие-то таблетки, и при этом может не спать по трое суток. Алик одет всегда «с иголочки». Мало того, он меняет одежду два раза в день. До обеда ходит в одном, после обеда – в другом. Жены у него нет, постоянной девушки тоже. Кто ему стирает? Наверное, сестра. Точно! У него есть сестра!

– Здравствуй, Дина, – Алик со мной осторожен, он не знает, как и что я могу ответить. Я молчу, потому что понимаю, Алик будет нашим попутчиком, и мне это не нравится.

– Дина, поздоровайся с Аликом, – просит Данюша. Я молчу.

Наконец-то подъезжает Сергей. Он сгружает в нашу машину коробки и коробочки, отдаёт документы, путевой лист. Я выхожу из машины и очень строго говорю, что опаздывать не хорошо. Что это может плохо кончиться для него. Почему хозяева должны ждать? Сергей опускает голову и молчит. И он, и я прекрасно понимаем, что этот разговор всего лишь для приличия. Все водители в нашей конторе – люди проверенные годами. Они за работу держатся. И тот, который сегодня не вышел по причине «не могу», будет наказан не очень сурово.

В машине пахнет лекарствами. А до этого стоял запах Алика. Говорят, что мужик и мужчина имеют разные запахи. Мужик пахнет мужиком, а мужчина – женщиной. Алик всегда пахнет женщиной, вернее, женщинами. У него такой взгляд, что не ответить на него не возможно. Хотя, отвечают не все, некоторые всё же сдерживаются, а некоторые женщины настолько задавлены жизнью, что даже не обращают внимания на Алика. Так как с недавних пор мой круг общения очень ограничен, я постоянно провожу время с братом и Аликом и наблюдаю такие сцены: Алик заходит, скажем, в магазин, чтобы купить продукты, он излучает обаяние, как солнце излучает тепло. И вот в пучок его энергии попадает девушка или женщина. Не важно – продавщица, покупательница. Даже не важно, сколько ей лет. Алик обращает к ней своё довольно симпатичное лицо, и говорит: «Скажи, что ты хочешь?» Этот вопрос ставит особ женского пола в тупик. В основном они молчат, и при этом глупо улыбаются. Тогда Алик берёт девушку за руку, ведёт её в отдел игрушек или в ювелирный и спрашивает: «Что ты хочешь, чтобы я тебе подарил?» Девушка теряется окончательно и тупо молчит. Потом, видимо, в её голове происходит какое-то движение мысли, и она молча указывает на не очень дорогую вещь. И Алик покупает. Дарит. И исчезает из её жизни навсегда. Это он так думает, что навсегда. Город у нас маленький, вместе с Аликом в ресторан зайти невозможно, со всех сторон на его крепкую шею начинают вешаться девушки и женщины. Он улыбается, целуется. С моим бра-

том дело обстоит не лучше. Данюша был женат три раза только официально. А уж неофициально... От последней жены у него есть сын трёх лет. Данюша его любит. Но сынок мешает ему вести тот образ жизни, в который втягивает Алик. Поэтому с племянником я вижу не часто.

– Даня, – я строга, – Скажи, почему это Алик сидит в нашей машине? Он что, не знает, мы едем далеко, развлекать его некому, да и места ему мало, всё коробками заставлено.

Даня молчит. Зато отвечает Алик:

– Дина, мне скучно одному. Поэтому я решил с вами проехаться.

– И ты весь день будешь ходить в одной одежде?

– Потерплю ради того, чтобы побыть в твоём обществе. Дина, а ты шубу носишь, которую я тебе подарил?

– Нет.

– Почему?

– В машине в такой длинной шубе неудобно.

– А где удобно?

– На каком-нибудь курорте гулять по зимней набережной.

– Выбирай курорт. Поедем!

– Пока поедем по нашему маршруту, – говорю я сухо.

Нам надо сегодня одолеть триста километров. А Алик, насколько я знаю, пальцем не пошевелит, чтобы помочь коробки разгрузить. Мы уже подъезжаем к первому пункту назначения, я просматриваю документы.

– Данюша, а почему у нас тут документы на Белозёрские аптеки? Это же совсем в другой стороне.

– Этот идиот Сергей перепутал. Смотри, остальное всё верно?

– Всё верно. Но и ты виноват, не проверил. Ну, тут мы сейчас поплутаем. Это не город, а лабиринт.

Так как по этим маршрутам мы сейчас ездим редко, то вполне можем и заблудиться, а местные жители сами не знают, где тот или иной дом, или не хотят помочь. У нас машина с московскими номерами, поэтому в такой глухомани на нас смотрят, как на иностранцев. Мы кружим по городу в поисках нужных адресов. По заснеженным улицам ходят плохо одетые пожилые люди. Молодые выглядят получше, но не все. Алик замечает каждую девушку, идущую по тротуару или по обочине дороги. Он комментирует её походку, одежду, фигуру. Даня ухмыляется – согласен с другом во всём:

– Это – не наши девушки! – кричат они хором. Хоть уши затыкай от их воплей.

Зато если нас обгоняет девушка в иномарке, они благосклонно произносят:

– Это – наша девушка!

Нам трудно заезжать во дворы поликлиник и больниц, потому что там много народа, который не хочет посторониться, чтобы пропустить машину. Ноги у них всех двигаются плохо, особенно у старых и пожилых мужчин. Почему это происходит? Средний возраст мужчин в нашей стране 58 лет. В 58 мужчина только начинает жить, а пора уже заканчивать. Статистика неумолима.

Даня выносит коробки, в машине становится просторнее, Алик сидит на заднем сидении, развалившись. Я проверяю адреса, количество мест, печати. На одной из остановок в боковое стекло стучит плохо одетый мужчина. Алик открывает окошко:

– Что надо, брателло?

– Закурить дай! – хрипло просит мужчина, – Альберт? – неуверенно произносит он.

Алик выходит из машины. Подаёт мужику руку, отдаёт пачку сигарет. Тут возвращается Даня, и мы едем дальше.

– Данька, это Серый. Мы на зоне вместе сидели. А зона-то рядом, сейчас будем проезжать как раз. Дина, ты знаешь, что здесь есть зона?

– Знаю. Это ни для кого не секрет. То, что ты сидел – тоже не секрет. Только я не знаю – за что?

– Якобы – за убийство.

– Как это – якобы?

– История, Дина, такая. Моя бывшая жена убила мою мать. Случайно убила. Мать моя любила выпить, а жене это не нравилось. Жили мы в то время все вместе: мы с женой и сыном, мать моя и сестра. У нас ребенок маленький, а тут мать вечно под мухой. Жена зашла на кухню, а мать в это время открывала бутылку, еще и на жену материться начала. Жена Люська – молодая, горячая, здоровая, поддала ей, как следует, мать упала, стукнулась головой об угол стола. Насмерть. Люська – орать. Я отпил из бутылки, которую мать открыла перед смертью, говорю Люське – вызывай милицию. Я всё на себя возьму. Сестра это видела. Она ещё маленькая была – 14 лет. За убийство по неосторожности мне дали три года. За примерное поведение выпустили даже досрочно. Я работал на хорошей должности, зарабатывал деньги большие, отсылал их на волю жене. Чтобы не бедствовала. Жалел её.

– Большие деньги в тюрьме?

– Ну, ясно, не зарплата. У меня была возможность записки зеков на волю отправлять. За это мне хорошо и платили. И вот как-то приходит на зону новый мужик и рассказывает такую историю. Проводит он время с чужой женой, отдыхают хорошо. Вдруг у этой жены муж возвращается. Пьяный в дупель. Жена дверь не открывает – боится. А муж на дверь просто бросается – того гляди, вышибет. А мужику уходить надо, понимает, что живым не выбраться, если муж прорвётся. Они что сделали. Когда у мужа сил поубавилось в неравной борьбе с закрытой дверью, они её в минуту затишья открыли, муж в квартиру заполз, а мужик был таков. И вдруг до моего сознания доходит, что этот пьяный муж – я. Была такая история в моей жизни. Ещё до тюрьмы. Все ржут сидят, я один не веселюсь. Мужик этот с опаской на меня посмотрел, знал по какой статье я сижу. Я ему сказал, что не трону. Вскоре меня выпустили, я тут же с женой развёлся. И не пью водку с тех пор.

Я в шоке, после такого рассказа. Что его вдруг пробило на откровенность?

– Но, ведь, кажется, у вас с женой нормальные отношения? И о сыне ты заботишься.

– Да он совсем неуправляемый, Дина. Думает, раз отец у него богатый, ему всё можно.

– А кто ему это внушил?

– Я, наверное, ну и жена постаралась. Ты знаешь, она сейчас живёт с одним, вот- вот должна ребёнка родить. А мой сын заявляет – он мне не брат.

– А ты?

– А я ему сказал – я тебе покажу – не брат. Совсем недавно его из колонии выкупал.

– Что же он натворил?

– Ведет себя... Телефоны сотовые у одноклассников отбирает, сигареты, кроссовки спер.

– Ты что, не обеспечиваешь его?

– Обеспечиваю. С жиру бесится. Хочет, чтобы его все боялись. Как жить будет? Не учится ни фиги. Ой, ой! Смотри, Данька, какая фифа идёт. Бедняжка! Снег топтать мешает. Каблуки-то...

– Да уж, обувь не для нашей погоды! – Даня смеётся.

– Это – не наша девчонка! – кричат они хором.

– А я вот не понимаю, зачем они зимой с голыми животами ходят, – говорю я, – Представляете, еду в трамвае, заходит девушка в короткой курточке с голым пузом. В пупе серёжка. Дикость – среди зимы – голое тело. Они явно не помнят, в каком климате живут. И ведь, наверное, у неё есть мать, которой это тоже не нравится. Но ведь эта девушка всё продумала – какой длины должна быть куртка, какой – джинсы. Они что, так парней ловят? – я обращаюсь к Алику.

– Видимо.

– И вы клюёте?

– Не всегда. Больше всего на свете я люблю весёлых баб и хорошие шоколадные конфеты! Данька, что за безобразие, почему твоя сестра ездит в общественном транспорте? Дина, не экономь на себе, за тебя это делает государство!

Это уже прежний Алик с горящим взором.

– Эх вы, старые хрычи, – говорю я насмешливо.

– Почему это мы старые хрычи? – в голосе Даньки слышится неподдельная обида.

– Сколько вам лет, мальчики?

– Тридцать четыре, – хором отвечают Даня и Алик.

– А девицам вашим?

– Лет девятнадцать – двадцать.

– Для них вы точно – старые хрычи.

– А ты тогда кто? – Данька продолжает злиться.

– А я – старая хрычовка. Мне-то тридцать пять. Но я не вожу шашни с молоденькими мальчиками. Какой от них прок?

Алик и Данька смеются. Наверное, представили меня в объятиях тинэйджера девятнадцатилетнего с серьгой в брови.

Дорога пустынна. Машин тут почти не попадается. До города, в который мы едем, проложена железная дорога, поэтому все стараются добраться туда поездом. Вот на обочине стоит КАМАЗ, водитель меняет колесо. Хорошо, что нет мороза, но всё равно ему тоскливо оттого, что он один и ему некому помочь. А мы мчим вперёд. Мысли у меня безрадостные. Я бы тоже должна была отсидеть в тюрьме за убийство по неосторожности. Или в целях самообороны? За это, говорят, могут и оправдать... Да, среди лесного хмурого пейзажа без солнца только об этом и вспоминать... А когда же ещё?

Вообще, я – военный журналист. Судьба помотала меня достаточно по горячим точкам. Но я сама этого хотела. Правда, сначала я хотела совсем другого. Я хотела выйти замуж за Митю. С Митей мы встретились случайно, когда нам было по 17 лет. Я увидела Митю из окна папиной машины. Папа вез меня на вступительные экзамены в университет. Мне надо было написать сочинение на пятёрку – подтвердить золотую медаль. Я поступала на факультет психологии. В моей семье считалось, что психология никому не нужна, лучше бы я пошла на экономический или юридический. Но я твёрдо решила стать психологом. И папа покорно вёз меня в университет, чтобы я поступила именно на этот факультет. Митя стоял на остановке в ожидании трамвая. Он был красив, как греческий бог. Или как полубог. В общем, он затмил собой солнце. Он увидел мои восхищенные глаза. И мы зацепились взглядами друг за друга, как крючками. Папа ничего не заметил. После сочинения он забрал меня и повёз домой. Но я соврала, что мне надо к подруге и вышла на той самой остановке. Митя был там. Он ждал меня, знал заранее, что я вернусь. Я села рядом. Он взял мою руку, поцеловал ладошку, измазанную пастой от шариковой ручки. Я положила голову ему на плечо. Мы так сидели долго. Может, час. Потом он поцеловал меня в губы. Наши сердца стучали громче, чем колёса трамвая, который в этот момент подходил к остановке. Мы сели в трамвай, проехали, наверное, круга три, честно при этом платили кондуктору за каждый круг. Кажется, билет стоил три копейки. Кондуктор – пожилая женщина, видевшая в жизни всякое, не обращала на нас внимания. К вечеру мы вышли на той же остановке, совершенно одуревшие от поцелуев. Я обрела дар речи:

– Как тебя зовут?

Митя молчал и улыбался. Я потрясла его за плечо:

– Как тебя зовут?

Он взял палочку, лежащую в пыли, написал на обочине: «Митя».

– А сказать не можешь?

Митя помотал головой – нет.

– Почему?

«Я глухонемой» – написал Митя.

«Дина», – написала я этой же палочкой.

Меня переполнял восторг любви, а страх только усиливал эмоции. Страшно было не за себя. За моих родителей. Они этого не примут и не переживут. Родители мои были люди очень пожилые. Я и Даня – поздние дети. Наш старший брат Савелий был уже взрослым солидным женатым мужчиной. Зная характер папы и особенно мамы, я предполагала, во что выльется их знакомство с Митей. Но всё же храбро назначила ему свидание на завтра на одиннадцать часов. Мы встречались тайно год. Я училась на психолога. Митя – на парикмахера. У него были золотые руки, а в руках – ножницы, которые тоже обещали стать золотыми. Родители мои ни о чём не подозревали. С Митиными родителями я уже была знакома. Они – самые обычные люди – школьные учителя. Почему у них родился глухонемой ребёнок, не знали. Митю обожали. А заодно и меня, девушку, полюбившую их сына. Я начала учить язык глухонемых. Да мы и так отлично понимали друг друга. С полувзгляда!

Фамилия моих родителей была в городе слишком известна. Куда бы я не пришла, узнав мою фамилию, меня спрашивали: «Вы – дочка Михаила Ильича?» «Да», – обречённо отвечала я. Моей мечтой было – поменять фамилию и начать независимую самостоятельную жизнь. Данька был в курсе моих любовных отношений, он меня как-то и выдал родителям. Не специально. Те обалдели – глухонемой юноша? Ну и что, что он красив, как греческий бог. Ну и что, что у него нормальные родители. Это не имело значения. Имело значение только моё будущее, которое может разрушиться от союза с Митей. Поддерживал меня в этой истории только Савелий. Но против маминого напора и он не устоял. На семейном совете было решено – перевести меня учиться в другой город. Это было сделано довольно быстро. Я стала жить у наших родственников в Екатеринбурге и продолжала учиться. Письма Мите я отправляла регулярно, но ответов не получала – либо его письма перехватывали, либо он не писал. При расставании с родителями я пообещала выйти замуж за первого встречного. Даже если он будет простым сантехником. Это их не пугало. Лишь бы рядом со мной был нормальный и здоровый мужчина. Спустя три года я всё ещё была не замужем – первый встречный не попался. Тоска по Мите не отпускала. В родной город я попасть не могла, потому что на всё лето меня увозили к морю, где я и прожигала жизнь, убивала время. Вместе с Данькой, он был приставлен ко мне в качестве часового. Потом он поступил в военное училище, и наши пути разошлись ровно на восемь лет. Правда, отпуск иногда мы проводили вместе. И нам бывало очень весело, что страшно раздражала всех его жён и девушек и моих кавалеров.

Спустя четыре года после расставания с Митей появился в моей жизни первый встречный, то есть мужчина, которому я отдалась. Отдалась просто так. Сдуру. А он захотел жениться. Я посмотрела на него оценивающе и трезво: парень – хоть куда. Высокий, красивый, умный – заканчивал к тому времени институт иностранных языков. Его звали Дмитрий. Дима. Митей я не назвала его ни разу. На почве всех моих переживаний у меня открылся дар – я начала рисовать иконы. Рисовала я их самозабвенно – каждый вечер. Днём-то училась. Дима сказал, что надо сходить в церковь – спросить – могу ли я этим заниматься. Старичок священник благословил меня на писание икон, освятил принесённые доски. Большую часть икон я подарила церкви, в то время религия только начала проникать в народ, до этого веривший в коммунизм. Но когда я вышла замуж за Диму, то иконы писать перестала. Сейчас в моей комнате висят три самых первых работы. Я смотрю на них и удивляюсь – неужели это моя рука вывела столь прекрасные лики? Если бы вдруг изменился мой образ жизни, я бы опять принялась за творчество.

Дима стал моим мужем, родители были довольны – и его и мои. Данька тянул курсантскую лямку. Димины родители купили нам квартиру в ожидании внуков. Наш сын не заставил себя долго ждать. Он родился через полгода после свадьбы. Мы назвали его Дмитрием. Митей. Жизнь была весёлой и грустной одновременно. Весёлой потому, что я имела собственного

маленького Митю, который не давал скучать. А грустной потому, что рядом со мной существовал не тот мужчина. Вся эта весёлая грусть длилась довольно долго. За это время я закончила ещё и факультет журналистики. И профессиональная карьера стала основной целью моей жизни. Семья держалась на плечах мужа. Дима всё это переносил стойко. А на меня всегда смотрел с опаской, не знал, чего ждать в следующую минуту жизни. Когда у него появилась возможность уехать работать за границу, он позвал меня с собой. Я отказалась. Потому что военная журналистика манила и засасывала. Появилось профессиональное тщеславие, требующее удовлетворения. Дима уехал в Данию, прихватив с собой Митю, а я подалась на Кавказ – стала собкором одного из международных агентств. По сыну тосковала очень сильно года три. Хотя мы виделись каждое лето – я ездила в Данию в отпуск. И однажды я поняла, что это мне плохо, это я страдаю, а не сын мой Митя. Он выглядел вполне счастливым, изучал языки, занимался живописью. У него было хорошее здоровье. Отец не стеснял его свободы. Я – напротив, постоянно дёргала ребёнка, требовала отчёта о каждом шаге. Утомляла его своим присутствием. В один из моих приездов мы решили с Дмитрием развестись, потому что я честно призналась, что не любила его ни минуты. Он с трудом перенёс этот удар. Он-то любил меня. Любил нашего сына. А я оказалась предательницей. Всё дело было в том, что моё сердце могло вынести только одну любовь. Мы всё же решили встречаться, как прежде, заботиться о сыне, мечтой жизни которого было соединить своих непутёвых родителей.

Мите не хотелось возвращаться в Россию. Он как-то приехал на каникулы – повидаться с бабушкой и дедушкой. А в то время была перестройка в стране, у нас на столе были одни макароны и картошка на постном масле, да пироги с нехитрыми начинками. Мите это не понравилось. Он испугался: «Мама, поедem к папе. Там каждый день на завтрак йогурт! Сок – какой хочешь!». Я не стала объяснять мальчику, что это всё – временные трудности. Он бы тогда этого не понял. Не поймёт он и сейчас нашего образа жизни. Стал совсем иностранцем. Что же делать. У него такой путь и такая судьба, которую подарила ему беспутая мать, не захотевшая полюбить его отца – умного, сильного, теперь ещё и богатого.

Дорога всё не кончается.

– Я есть хочу, – объявляю я брату.

– Начинается, – стонет Даня, – Я, например, весь день могу не есть.

– Я тоже могу. Но разве это необходимо сегодня?

– Дина, доедем до города, завернём в ресторан, пообедаем, – обещает Алик.

– Ты думаешь, там есть ресторан?

– В любом зачуханном городишке есть ресторан. Иногда там даже прилично кормят.

– Не скажи, Алик. В этих городишках сейчас в обычных столовых цены такие – ого-го.

А готовить не умеют.

– Поэтому и будем искать ресторан.

– Пока что нам надо искать нужный адрес. Вот и город на горизонте.

Городок поделён железной дорогой на две части. Самое плохое, когда надо развозить товар сначала в одну часть города, потом в другую. Но сегодня у нас все адреса по одну сторону от ЖД. Дело идёт быстро. Я замечаю приличное здание, обшитое белыми пластиковыми рейками с вывеской «Золушка».

– Даня, давай в «Золушку» завернём.

– Что-то мне название не нравится, – Алик привередничает.

– У них тут птицефабрика есть. Там должна быть хорошая столовая.

– А обещали – ресторан. И потом, я боюсь птичьего гриппа.

– Я вспомнил, у них в ресторане совсем не умеют готовить. Самое вкусное, что я там ел – это были консервы – шпроты в масле. А птичий грипп до нас ещё не добрался.

– Смотрите, вот бабка с ведром идёт – точно, пошла на птицефабрику, яйца покупать.

Мы обгоняем бабку в фиолетовом пальто и в валенках, и ведро у неё фиолетовое.

Вывеска у птицефабрики скромная. А яйца здешние в городских магазинах самые дорогие. Заходим внутрь. На дверях столовой объявление: «Обед для посторонних с 13 часов». Я смотрю на часы – десять минут второго, как раз самое время пообедать посторонним. Но тётка в белом халате и тюрбане говорит: «Мы посторонних не кормим». «Но там у вас объявление – обед для посторонних с 13 часов», – говорю я. «Это старое объявление». «Тогда снимите его». «Некогда». Тётка в белом халате выскребает из огромной кастрюли тушёную капусту. Алик куда-то исчез. Вот когда нужно его обаяние, он отсутствует. Даня идёт к дверям и срывает объявление об обеде для посторонних. Тут в столовую входит Алик с хорошо причесанной женщиной. Она еще и хорошо одета, и от неё исходит запах дорогого парфюма. В столовой происходит суета, по которой я отлично понимаю, что Алик привёл сюда большого начальника. Для нас уже накрыт белой скатертью стол, поставлены стеклянные фужеры, ложки и вилки хорошей стали. Алик знакомит нас с директором фабрики – Аллой Витальевной. Алла Витальевна смотрит на Алика с обожанием. Тётки в белых халатах суетятся. Мой брат хочет обратиться внимание Аллы Витальевны на себя:

– Я бы съел яичницу из пяти яиц, – говорит он.

– А я – из двух, – добавляю я, – со сливочным маслом.

Алла Витальевна делает заказ. Нам приносят бутылку белого «Шардене», сок, салат из свежих помидор и огурцов. У Алика и Аллы Витальевны происходит какой-то интимный разговор. Они поднимают бокалы и пьют за что-то сугубо личное. Я существую сама по себе. Брату моему тоскливо, он лишён и выпивки и женщины. Обречённо наливает в фужер сок.

Обед вкусный, только скучный. Весело лишь Алику. Они с Аллой Витальевной уходят. Мы с Даней пытаемся расплатиться за еду, но у нас ничего не берут, лишь кланяются и приглашают заезжать ещё. В ожидании Алика мы выходим на улицу покурить. Я захожу в крошечный магазинчик при фабрике, покупаю несколько замороженных кур, решётку яиц. Всё гораздо дешевле, чем в городе. Даня кривится, когда видит меня с покупками, он всё берёт только в супермаркете, остальных магазинов не признает. А в этом его супермаркете перед новым годом продавали подмороженные свежие огурцы в целлофановой упаковке, давно увядший укроп и дряблый имбирь. Под шумок новогодних покупок они всё на прилавок выкладывают. А народ берёт не глядя. Я не обращаю внимания на его ворчание. Прежние времена приучили меня к экономии во всём. Тут появляется Алик с тремя пакетами. В них для нас подарки от Аллы Витальевны – свежие яйца и только что забитые куры.

В машине Алик весело рассказывает о слезах экстаза Аллы Витальевны.

– Кажется, она мне спину расцарапала, – сообщает Алик мне и Дане, ни сколько не смущаясь таких подробностей.

– Алик, почему ты ведёшь себя именно так?

– Потому что я живу сегодня, и завтра для меня не существует. Вот встретил Аллу Витальевну, а мы с ней два года не виделись. Сделал приятное и ей и себе. Она меня долго будет вспоминать, а я её забуду через полчаса.

Я поворачиваюсь к Алику, смотрю на него в упор. Он не отводит взгляда, улыбается. Передо мной сидит мужчина, который нужен всем женщинам мира. И ему нужны все. А что он будет делать в 58 лет? Он до них просто не доживёт.

– Дина, а ты почему живёшь именно так?

– Потому что я должна дожить до завтра.

Дорога становится всё хуже. Её почти нет. Во времена социализма я как-то сопровождала делегацию немецких журналистов, приехавших в нашу страну. Мы ездили по глубинке России, и немцы потом написали: «У русских дорог нет. Ездят прямо по земле». А сейчас мы едем по снегу, но под ним всё же угадывается дорога. По крайней мере мы знаем направление.

Я люблю белое вино. Такое, как «Шардене», которым угощала нас Алла Витальевна. А на Кавказе в основном пьют красное. Оно там вместо воды. Для утоления жажды. Но мой

вкус там уважали и знали, что если я буду в компании, надо припасти белого сухого вина. Однажды я возвращалась с вечеринки, которую устраивали знакомые офицеры. Женщина на войне – большая редкость. Ей все хотят угодить, получить от неё какой-нибудь знак внимания. Местечко, где я работала уже довольно долга, было тихим. Со всеми я была знакома. Поэтому мужчины-офицеры хорошо знали мой характер и никогда не переступали дозволенной черты. Служили там и офицеры из местных жителей. И вот один из них пошёл меня провожать домой после вечеринки. Мы шли по тёмной улице, мило болтая о пустяках. Навстречу нам двигались какие-то люди в камуфляже. Когда они с нами поравнялись, один вдруг подпрыгнул, чтобы вцепиться мне в лицо ногой. Подошва у ботинка была толстая и тяжёлая. Но я успела увернуться от удара. А вот очки разбились вдребезги, поранив щёку. Мужчина был готов бить меня снова, но я тоже кое-что могла ему предложить. Чего он явно не ожидал. Он получил от меня сильный удар ногой в грудь, упал на асфальт и больше не шевелился. Мой попутчик и тот, второй, уже целились друг в друга. Я закричала. Но выстрелы прозвучали, и оба мужчины повалились на землю. Я, вся в слезах и крови ринулась обратно. С вечеринки разошлись не все. Самые большие начальники ещё сидели за столом, пели русские песни. Уже под коньяк. При виде меня замолчали. Велели успокоиться и всё рассказать. Я рассказала, как было дело. Командир спросил: «Документы при тебе?» «Да». «Сейчас полетит самолёт в Москву. Вот тебе деньги на билет до дома. Что делать, я думаю, ты знаешь». Я знала. Сидя в самолёте, и ещё раз прокручивая в голове события прошедшей ночи, я поняла, что если мужчины, бывшие около меня, мертвы, то мне захотят кровно отомстить все их родственники. Перспективка. Но, прежде всего, надо успокоиться и, приехав домой, никого не напугать. И никому никогда не рассказывать об этом. Какова была причина нападения, я так и не узнала, как не узнала, остался ли кто – либо в живых.

Дома мама и папа слегка удивились моему внезапному возвращению налегке. Но им было не до меня. Тяжело болел мой старший брат Савелий. И надо же такому случиться, именно в это время от него ушла жена, подбросив дочку Варю моим престарелым родителям. Савелий обрадовался моему появлению. При этом сказал, что сейчас может спокойно умереть, потому что есть на кого оставить дочку. Он умер через неделю. Через месяц умер отец, – не перенёс потери любимого сына. Жизнь казалась мрачной, и просвета не предвиделось. Даня в это время уволился из армии и разводился с очередной женой. Это тоже не улучшало настроения. Но надо было продолжать жить. Воспитывать и растить Варю, помогать маме, искать работу. Я была уверена, что с двумя высшими образованиями мне цены нет. Но в то время могли прилично зарабатывать только люди, занимающиеся торговлей. И я закончила курсы бухгалтеров, чтобы устроиться в какой-нибудь магазин или в торговую фирму. Тут явился свободный, как ветер, Данька и заявил – надо создавать своё дело. Он оставил меня «на хозяйстве», то есть дома, а сам принялся «балдакружить» – его выражение. Как он вёл дела, – не знаю. Я занималась оформлением своих документов – переводила всё на девичью фамилию. В новый паспорт не вписали моего сына. Я обнаружила ошибку не сразу, но исправлять не стала. Не хотелось мне лишний раз привлекать внимание к своей личности. Так что получалось, – я не замужем и ребёнка у меня нет. В это время и появился в нашем доме Алик. Он у нас ел, пил, ночевал, расхаживал по квартире в шёлковых трусах, за что неоднократно нарывался на мои скандалы. Благо квартира у нас большая – пять комнат со сталинскими потолками, всем места хватает. Вскоре Алик купил себе дом, и мы зажили своей семьёй. Но он так и остался лучшим Данюшиным другом, не смотря на моё неоднозначное к нему отношение. У брата появился бизнес, которым мы сейчас и занимаемся.

Пошёл снег. Даня включил «дворники». Наконец-то последний пункт нашей поездки. Городок этот, как и все остальные, маленький, приземистый, бедный. Но Данька любит сюда ездить, одна из заведующих аптекой в него влюблена, как кошка. И эту аптеку брат оставляет напоследок. Нас там ждут, как дорогих гостей. Приняв товар, заведующая приглашает к себе.

Дома у неё накрыт стол. Ужин – хоть куда. Наверное, всю ночь жарила и парила девушка Света. В её трёхкомнатной квартире уютно, тепло, поэтому хочется спать. Света стелет мне на диване в маленькой комнате. Я тут же засыпаю, коснувшись щекой подушки. Мне снится сон, который повторяется довольно часто. Я вижу дорогу, но не зимнюю, заснеженную, а летнюю, освещённую солнцем. Вдоль дороги стоят мужчины, я знаю, что у них всех одно имя – Дмитрий. Это Митя – моя первая любовь, Дима – мой муж и Митя – мой сын. Они не голосуют, они молча ждут: кого я возьму в свою машину. Но сон всегда прерывается на одном и том же месте – мне остаётся несколько метров, чтобы доехать до Мити... Я страстно хочу доехать и распахнуть перед ним дверцу, но я всегда просыпаюсь в этот момент. Вернее, меня будит либо телефонный звонок, либо будильник. А сейчас я чувствую горячее дыхание на своём лице и просыпаюсь. Открываю глаза – перед диваном на коленях стоит Алик.

– Что? – говорю я тихо и даже ласково, всё ещё находясь под впечатлением сна.

– Дина, все женщины мира меня хотят.

– Тебе обидно, что я не хочу тебя? – я надеваю очки, чтобы лучше разглядеть гримасу разочарования на его лице.

– Нет. Мне не обидно. Я пришёл сделать тебе предложение.

– Деловое?

– Расценивай, как хочешь. Дина, выходи за меня замуж.

– Ты хочешь, чтобы я села в тюрьму за убийство по неосторожности?

– Почему, Дина!?! Почему ты отказываешь?

– Потому что я живу в условиях, в которых жить не хочу.

– Выйдешь за меня, и всё изменится.

– В том-то и дело, что нет. Всё только усугубится.

– Ты отказываешь окончательно?

– Да.

– Тогда я женюсь на первой встречной! – это звучит, как угроза.

Алик уходит. Я снова проваливаюсь в сон и еду по той же дороге. Прерывистое дыхание над моим лицом возвращает опять в реальность. Я открываю глаза. Возле дивана стоит большая собака и пытается лизнуть мой нос. Мне становится легко и весело. Зачем мне знать, чем кончится сон? Я, конечно же, возьму с собой Митю в дальнюю дорогу жизни. Но где он – Митя? Почему не пытался меня искать? Вот уже несколько лет я живу в родном городе, и ни разу не встретила его. Где же я его могла встретить? На трамвае я почти не езжу. В ресторане или кафе? А почему бы мне самой его не поискать? Всё не было времени с этим переустройством жизни. Хотя, если поставить цель – Митю можно найти. Но ведь я боюсь. Боюсь, что разыскав его, разочаруюсь. А ещё больше боюсь, что разочаруется он. Я снова засыпаю. Мне ничего не снится, но вдруг ко мне приходит озарение. В ту ночь на Кавказе я пострадала случайно! Меня не хотели убивать, но я оказалась свидетелем. Я шла с человеком, который был замешан в каких-то тёмных делах. Те двое появились, чтобы убить его. А тут подвернулась я... Всё, надо просыпаться. Но глаза не открываются. Веки – свинцовые. Сон навалился, как медведь. Меня засасывает в чёрную дыру без видений и мыслей.

Просыпаюсь ранним вечером. На улице сиреневые сумерки. В большой комнате горит свет, слышен весёлый голос моего брата. Пора ехать. За столом сидит радостный Данька со своей девушкой и грустный Алик. Кажется, впервые я вижу его без улыбки на лице.

– Алик, ты рассказал о своём решении?

– Да, ребята. Я сделал Дине предложение руки и сердца, но она мне отказала, поэтому я сказал, что женюсь на первой встречной женщине. Говорю при свидетелях.

– Ничего себе! – присвистывает Данька.

Девушка Света смотрит на него с мольбой. Если бы он сделал ей предложение, она не раздумывала бы ни секунды. Но мой брат не обращает внимания на её немую просьбу. Или делает

вид, что ему всё равно? Поэтому Свете приходится улыбаться через силу и жить в предлагаемых обстоятельствах.

Обратно дорога всегда короче. Видимо потому, что знакома водителю. У обочины стоит женщина, голосует. Даня останавливается. Женщина садится сзади рядом с Аликом. Ну, держись, провинция. Сейчас городской плейбой покажет тебе класс. Я ни сколько не удивлюсь, если Алик начнет заниматься с ней сексом на заднем сиденье в нашем присутствии. Но Алик молчит. Зато женщина говорит без умолку. При чём пытается «акать». Ведь едет в машине с московскими номерами.

– Я на наш совхозный автобус опоздала. Представляете? Спасибо вы подхватили.

– А куда спешите? – приходится поддерживать мне беседу, потому что мужчины упорно молчат.

– На работу спешу. Я завклубом работаю. У нас сегодня дискотека. Поедете? Хотите потанцевать?

– Хотим, – неожиданно громко говорит Алик, – Где ваш клуб?

– Через десять километров будет наше село, а в нем – клуб. Сегодня – ночь перед рождеством, у нас ряженые будут, гаданья всякие.

– Мы уже всё загадали, – говорит Алик.

– Как вас зовут? – интересуюсь я.

– Альбина.

– Вы замужем?

– Нет.

– Почему?

– Парень мой в Чечне погиб. С тех пор ни кого не встретила.

– Алик, это – судьба, – говорю я вкрадчиво.

Крыльцо клуба освещено, люди толкуются возле. Даня с шиком подъезжает, выходит, открывает дверцу машины, подаёт руку Альбине. Она чувствует себя королевой. Даня помогает выбраться и мне, Алик берёт Альбину под руку, ведёт в клуб. Местное население в шоке. Некоторые стоят с разинутыми ртами.

Альбина ведёт нас в свой кабинет – оставить там одежду. Скидывает сильно поношенное пальто и оказывается в модном вечернем платье. У неё отличная фигура, длинные ноги, густые волосы. А лицо, как у феи из детской сказки. Тут открыл рот Алик, но у него нет слов. Он так и стоял с раскрытым ртом, пока Данька не показал ему жестами – рот закрой.

Веселье в клубе организовано не плохо: конкурсы сменяют один другой. Чтобы отдышались их участники, в перерывах выступают самодеятельные артисты, вручаются призы. Я показываю Алику на часы – пора ехать, мы с Данькой готовы. И тут Алик берёт микрофон, поднимается на сцену:

– Селяне, – говорит Алик, – вы ещё не знаете, что этот весёлый вечер последний, который Альбина провела вместе с вами.

– Почему? – народ заволновался.

– Я увожу её в прекрасное будущее, под названием – жизнь со мной! И в присутствии всех вас прощу: Альбина, будь моей женой!

Зал накрывает плотная тишина.

– Я согласна, – говорит Альбина почему-то усталым голосом, в нём нет радости, а только обречённость.

Девушки смотрят на Алика с таким восторгом, что кажется, сейчас из их глаз начнут высккивать искры.

Мы одеваемся и вчетвером садимся в машину.

– Паспорт у тебя с собой? – спрашивает Алик у своей невесты.

– Да.

- Больше ничего и не надо. Всё у тебя будет, Алька! Ты мне веришь?
- Верю, – Альбина плачет, положив голову на крепкое плечо Альберта.
- Когда свадьба? – интересуется Даня.
- Я думаю, через неделю.

В этот момент мне хочется верить, что Алик доживёт до 58-ми лет, а, может, и до шестидесяти.

Дома мама и Варя встречают нас с Данькой с такой радостью, как будто мы вернулись не из поездки по области, а побывали, по крайней мере, во Владивостоке. Мама задаёт всегда одни и те же вопросы. И главный вопрос – что нового.

- Алик женится.
- Да ты что! Когда свадьба?
- Через неделю.

Варя неожиданно убегает в свою комнату, закусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться. Вот оно что, вот кто хотел заполучить любовь Алика и отдать ему свою без остатка. А я-то? Хороша, тётка! Не заметила страданий племянницы.

Захожу к Варе:

- Не грусти, Вареник. Алик поживёт со своей королевой и разведётся. А ты к этому времени подрастешь, ума наберёшься.
- Тётя Дина, она хоть красивая?
- Представь себе – очень. Я не ожидала. И Алик не ожидал, что встретит в лесной глухомани королеву красоты. И Данька не ожидал такого поворота событий.
- Так он с ней только что познакомился?
- Да.
- Так не бывает, тётя Дина!
- Я и сама не верила. Может, им даже обоим повезло. Не грусти, детка моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.